

Бодров Алексей Геннадьевич

адвокат

НП АБ «Международное»

г. Москва

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОФФШОРА С ПРОЯВЛЕНИЯМИ КОРРУПЦИИ В РОССИИ

***Аннотация:** в статье рассматривается вопрос взаимосвязи таких понятий и институтов, как оффшор, коррупция и вывод капитала. Автор обращает особое внимание на точное использование терминов и понятий, применяемых в сфере контроля за соблюдением законности финансовых операций. Рассмотрены проблемы противостояния государства и бизнеса, анализируется экзистенциальное противостояние бизнеса и государства.*

***Ключевые слова:** оффшор, коррупция, обналичивание денежных средств, легализация доходов, взятка, откат, институциональный анализ, незаконный доход, налоги.*

О терминах и категориях проявлений коррупции

Прежде чем рассмотреть место и взаимосвязь таких категорий, как «оффшор» и «коррупция», необходимо остановиться на рассмотрении и уточнении связанных с ними понятий: «отмывание (легализация) доходов», «экспорт капитала», «обналичивание денежных средств», «откат» и др.

Зарубежные акты по вопросу «отмывания денег» характеризуют легализацию незаконных доходов как процесс, при котором имущество, получаемое, приобретенное или аккумулируемое вследствие незаконной деятельности, скрывается либо перемещается с целью прерывания преступной цепочки [3, с. 1]. Но не только прерывания, но и сокрытия этой цепочки. В результате отмывания получивших легальную окраску доходов, преступник, который ранее получил их как нелегальный доход, например, от продажи наркотиков, получает возможность декларировать официальный доход и легально пользоваться средствами, изначально имеющими криминальную природу. Две основные характеристики

отмывания были определены в 1993 г. политологом и экономистом Мшиандро [10, с. 243–297]:

– *незаконность* (общая характеристика) – отмывание доходов предполагает использование средств, происходящих из незаконной деятельности;

– *сокрытие* (специальная характеристика) – основная цель отмывания денег – это сокрытие криминального источника происхождения указанных средств.

И вот здесь начинаются тонкости:

Во-первых, речь идёт не о «незаконной легализации (отмывании) доходов» (как подчас это словосочетание используется в публикациях), т.к. сама по себе «легализация» не может быть «незаконной», а речь идёт о легализации именно *незаконных* доходов. Т.е. необходимо прежде всего не только определить источник доходов, но и доказать его незаконность! Но доказать, констатировать и декларировать наличие незаконного деяния, правонарушения может только суд! Следовательно, все изыски, чтобы не говорить «происки», налоговых, правоохранительных и прочих контролирующих и силовых органов являются не более чем предположением «хайли лайкли». Законные доходы не требуют никакой «легализации», а само это понятие (и действие, явление) возникает именно тогда, когда речь идёт именно о «сокрытии криминального источника происхождения указанных средств». И только тогда по отношению к этим средствам и возникает термин «легализация». В таком свете легализация выступает, как вторичное явление, как категория, зависящая и зависящая от характера доходов, и возникает (как понятие) только в случае и после установления именно незаконности доходов. Категория «легализации» является функцией *установленного* незаконного происхождения средств. И для чистоты понимания следует всё же уяснить и разделить, что именно является по законодательству незаконным – именно легализация (как действие) или всё же доходы (как объект этого действия). Если доходы не обладают незаконным характером, то «легализация», как термин, как понятие даже и не возникает.

Однако не только в СМИ и разговорной речи, но и в научных, и в нормативных документах при использовании словосочетания «отмывание доходов» негативная коннотация придаётся именно слову «отмывание» (или «легализация»), т.е. подразумевается, что если со словом «доход» использовано одно из слов – «отмывание» или «легализация», – то это уже характеризует сам доход, как априори незаконный. А вместо доказывания незаконного характера дохода считается достаточным просто навесить на него ярлык «отмывания». Что противоречит логике и здравому смыслу.

Во-вторых, что непосредственно связано с первым, это позиция финансовых властей. Так глава Центрального банка России Эльвира Набиуллина, в своё время заявила, что в январе-сентябре 2013 г. из России по сомнительным основаниям вывели около 22 млрд. долл. США [5]. Но ведь экспорт капитала из страны может быть явлением и положительным в виде инвестирования в зарубежные проекты, мероприятия и фирмы. К примеру, как попытка консорциума компании Magna и Сбербанка купить 55%-й пакет акций компании Opel в 2009 г. А вывоз или бегство частного капитала вместо его инвестирования в национальную экономику, явление хотя и негативное, требующее анализа, противодействия и вмешательства, *но не криминальное!*

Вывозиться могут и вполне легальные, законные доходы, они наверняка входят в указанную выше сумму, по чисто экономическим или политическим причинам (плохой инвестиционный климат, правовой «беспредел», высокие налоги, отсутствие уверенности в перспективах и ещё масса причин). Но «сомнительные основания» глава ЦБ РФ относит почему-то именно к вывозу, экспорту капитала, а опять же не к характеру или происхождению этих средств! И сами по себе подобного рода такие определения, как «сомнительные», «подозрительные» и иже с ними не имеют ни юридического, ни экономического смысла, но навязчиво отдают тем самым «хайли лайкли» (см. выше), а отнюдь не правовым подходом с опорой на бесспорные, доказанные факты и категории законодательства.

В-третьих, зарубежные исследователи тоже не всегда отличаются точностью и адекватностью определений и формулировок, из-за чего страдает и

представляемая ими статистика, и выводы. К примеру, согласно результатам исследования, проведенного международным институтом Global Financial Integrity, из России за 2011 г. был незаконно вывезен \$191 млрд [4]. Но определение и применение понятий «незаконно» и «законно» не находится в компетенции подобного рода организаций и не может использоваться никем до вынесения решения о характере (криминальном или нет) объекта исследования.

Потому подчеркнём вопрос, что же именно является, пусть даже по мнению Global Financial Integrity, правонарушением, «незаконным» деянием: сам по себе вывоз (нарушивший какие-либо нормы валютного регулирования) или всё же источник средств, доходы, полученные преступным путём? Совершенно же очевидно, что одно не есть другое! И не следует путать происхождение (преступное или нет) и использование (правомерное или нет). Другими словами, юридически, и по редактуре, следовало бы правильно написать: «был вывезен \$191 млрд. долл., доказанных Судом *незаконных доходов*». А уж как вывезли – дело совершенно другое и вторичное.

В принципе, все участники валютных сделок в вопросах валютного регулирования максимально стараются обеспечить безукоризненную документальную базу, основу и основания для вывоза капитала. Нарушение норм валютного регулирования фиксируется и пресекается достаточно эффективно. А потому само понятие, словосочетание «незаконный вывоз» не только является нонсенсом, но и вызывает вопросы типа «А куда же смотрели контролирующие органы, если вывоз был незаконен, документы не соответствовали действительности, а сделка была притворной?» или «А всё ли хорошо у нас с нормативной базой валютного регулирования, если *можно* деньги вывезти *незаконно*?». При этом, что следует подчеркнуть, при таких акцентах остаётся в стороне и вообще не рассматривается вопрос вывоза вполне легальных, законных «юридически чистых» доходов. Ведь мы говорим о характере (характеристике) «*вывоза*», а не *доходов*! При таком подходе к использованию терминов, который используется повсеместно, в т.ч. и с высоких трибун, размывается суть проблемы и теряется объект анализа.

То же самое можно сказать и про процесс, так называемого, «обналичивания денежных средств». Сам по себе процесс обналичивания денежных средств («обнал») по сути своей не может являться преступным деянием. Преступный характер этого деяния проявляется (и существует) не сам по себе, а только во взаимосвязи и *после* определения характера обналичиваемых средств. Т.е. только после определения источника происхождения, характера самих средств можно говорить о сути процесса «обналички». Например, если это бюджетные средства, предназначенные для инвестиций и перечисленные подрядчику, или (другой вариант) средства предприятия (фирмы), с которыми оно приняло ряд действий, позволяющих обналичить (пусть даже свои) денежные средства в обход уплаты налога, скрывая от налогообложения, – тогда такой «обнал» действительно является частью, элементом, этапом преступного деяния.

Но дело в том, что первоначально *требует доказывания* неправомерность и незаконность направляемых на «обналичку» средств – доказывание, что они именно бюджетные или выведены из налогооблагаемой базы (завышением себестоимости, цены) и это именно противозаконно. А само выражение «незаконное обналичивание денежных средств» представляется таким же неправомерным, как и «незаконная легализация (отмывание) доходов». Ведь на самом деле речь идёт об обналичивании именно *незаконных доходов и денежных средств* (т.е. средств или полученных незаконно, или для обналичивания не предназначенных!).

Потому не выдерживают никакой критики заявления и позиции некоторых должностных лиц, подобные, к примеру, словам руководителя «Проекта национального развития» Андрея Черепанова: «Борьба с отмыванием – это борьба с безналичными деньгами. Обналичивание – это загрязнение денег, совершенно обратный процесс. Постоянно наши руководители подменяют понятия. Так вот, ни в коем случае нельзя бороться с отмыванием денег. Пусть отмываются, даже если преступные доходы. Это только позитивно будет для экономики, для общества в поиске преступников в дальнейшем и преступных доходов. Но, конечно, нужно жесточайшим образом, если мы полагаем, что это надо, бороться с

обналичиванием денег» [6]. Во-первых, «пусть отмывают» сказано весьма смело при нацеленности государства на борьбу со всем незаконным. А во-вторых, не знаю, удивит ли кого-то, если я скажу, что *каждый из нас постоянно* занимается «обналом» – подходя к банкомату, чтоб снять свои деньги с карты. Значит, опять же речь идёт не о процессе, не об этом явлении, как таковом, а о целях, *размерах* и происхождении средств «обнала». Но тогда так ведь и надо писать – аккуратно, уточняя термины, темы, объект и предмет дискуссии.

При этом, однако, если сделка по выводу средств (в т.ч. и на «обналичку») оформлена должным образом, всеми необходимыми документами и имеет материальное подтверждение (в виде товара), то придаться к такой сделке практически невозможно (даже при завышенной цене, имеющей на рынке весьма широкий разброс). А в нашем законодательстве, вдобавок, нет никаких категорий, понятий и определений типа «фирма-прокладка», «фирма-однодневка», «подставная фирма», «откат» и т. д., что само по себе также требует доказывания, но не придинок силовых структур в форме «это *хайли лайкли*, а ты докажи обратное».

В том-то и дело, что гражданское производство (гражданский иск) предполагает презумпцию вины, когда ответчик должен доказать свою добросовестность, но когда речь идёт о «преступлении» – категории, применимой исключительно в уголовном праве, – тогда-то презумпция невиновности и выходит на первый план (в т.ч. и по экономическим преступлениям – глава 22 УК РФ) [1], требуя доказывания не только вины, но и умысла. А сложившаяся, к сожалению, практика, когда «телега ставится впереди лошади», как раз и является тем инструментом давления государства на бизнес, который и заставляет бизнес «бежать за рубеж», вывозить капиталы и о котором говорит уполномоченный по правам предпринимателей при Президенте РФ Борис Титов: «80% дел против бизнесменов не доходит до суда, но никто не возместит репутацию и разрушенный бизнес» [7]. К примеру, только по ст. 145.1 УК РФ (Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат) обвинительным приговором заканчивается всего 15% дел, а значит это просто средство давления

чиновничества на бизнес; при этом доказать корыстный умысел или личную заинтересованность подозреваемого практически никогда не удается [7]. Об этом же ещё в 2015 г. наш президент с возмущением говорил в своем послании Федеральному собранию, по его словам до суда доходит не более 20% возбуждённых дел. Но с тех пор не только почти ничего не изменилось, но количество дел, возбужденных против предпринимателей, продолжает расти – с 2012 г. число возбужденных уголовных дел выросло более чем в 2 раза, в 2017 г. их было уже 241397, при этом число приговоров – выросло всего на 16% [8]. Но бизнес всех подследственных был парализован, разрушен, исчез, да и их судьбы загублены.

Нельзя отрицать, что подобные действия следственных органов как раз и являются одной из форм коррупции, одной из форм вымогательства денег у бизнеса, способом принудить представителей бизнеса откупиться, заплатить за свою свободу, за прекращение уголовного дела. Другой формой можно назвать заведомо завышенные налоговые претензии (требования) к фирмам со стороны ФНС с «намёком» в личной беседе, что эти требования можно, конечно, и уменьшить до разумных пределов (иногда в десять раз!), но за некий процент «благодарности». Совсем же отменить требования, конечно же, нельзя – независимо от их обоснованности – «Не согласен – иди судись. Ведь мы же должны демонстрировать свою работу по возврату в бюджет денежных средств, нам же отчитываться надо, показать свою значимость, что мы и наша работа нужны».

Однако все эти процессы и явления, так или иначе связаны с понятием «коррупция». Определение категории «коррупция» приведено в Федеральном законе от 25.12.08 №273-ФЗ «О противодействии коррупции» – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний

от имени или в интересах юридического лица [2]. Обращает на себя внимание ряд деталей. Во-первых, принадлежность коррупционера к лицам, облечённым властью, прежде всего к представителям государства. Во-вторых, использование своего служебного положения (в своих интересах или в интересах третьих лиц). И третье – бенефициарами противоправных действий коррупционера могут быть и юридические лица.

В большом количестве работ (и словарей) даются самые разные и весьма различные определения коррупции, но что является общим во всех определениях коррупции – «...это то, что коррупция связана с лицами, наделёнными какой-то властью. И если на начальных этапах определения понятия «коррупция» вопрос касался только государственной, политической власти, то с развитием тенденций глобализации в понятие «коррупции» стали включаться все лица, наделённые властью» [9, с. 427]. При этом эти лица могут быть на любой должности и любого уровня.

Но сам этот термин не следует путать с понятием «олигархия», которую можно определить, как сращивание капитала с политической властью, что выражается в сосредоточении власти в руках сравнительно малочисленной группы граждан (олигархия в переводе с греческого – «власть немногих» от ὀλίγος «малый; краткий» + ἀρχή «начало; власть»). Власть при этом режиме может принадлежать, например, представителям крупного монополизированного капитала и обслуживать их личные и групповые интересы, а не интересы государства в целом. Олигархи (члены олигархии) могут либо сами быть членами правительства, либо оказывать решающее влияние на его формирование и принятие решений в своих личных и групповых интересах. При этом предполагается, что все олигархи – достаточно состоятельные люди, миллионеры и миллиардеры, но не всякий миллионер – олигарх, если он не связан с политической деятельностью и властью. Таким образом, хоть олигархия и выступает негативным явлением, но, по сути, формально не имеет криминального характера в отличие от коррупционеров у власти (которые в частном случае могут стать и олигархами).

Соотношение этих терминов таково: общее – и те, и другие имеют отношение к власти и к принятию решений от лица государства; и те, и другие могут использовать своё положение в личных интересах и/или в интересах связанных с ними третьих лиц (в т.ч. и юридических); и те, и другие личные интересы, обогащение ставят выше интересов общества (и государства), которое они представляют. Различие – как сказано выше, предполагается определённый уровень богатства олигарха в то время, как коррупционером может быть рядовой сотрудник (предполагается, что и не очень богатый; изначально, по крайней мере) налоговых, следственных и иных государственных органов. Кроме того, если действия олигарха носят легитимный характер (формально – в рамках закона), то действия коррупционера (по «монетизации» своего положения, должности) противозаконны изначально. Помимо этого, различие в занимаемом ими положении – предполагается, что олигарх находится на самом вершине пирамиды государства или очень близок к самым верхним эшелонам власти, а коррупционером может быть практически любой чиновник или служащий. При этом олигарх так же может оказаться коррупционером, если будет доказано, что он *противозаконно* использовал своё положение в личных целях, для личной выгоды или выгоды своих (и/или близких к нему, аффилированных с ним) бизнес-структур. Проблема только в том, что пока олигарх у власти, доказать это практически некому, а все его действия считаются законными.

Существует точка зрения (отражённая в т.ч. и в ряде научных работ, и в публикациях), что коррупция имеет и положительные свойства. Потому давайте определимся, что именно мы считаем пагубным и о чём мы говорим, используя категории олигархии и коррупции. В этом смысле становится очевидным, что самое главное – это *приоритеты*! Если человек на некоей должности ставит во главу угла интересы, цели и приоритеты государства, то совершенно неважно, насколько он богат, является ли он миллионером и понятие (определение) «олигарха», по сути, к нему не применимо (пример Дональда Трампа). Если же человек во главу угла ставит личные интересы, своё обогащение и «дополнительные» доходы, то совершенно неважно, какую именно должность, насколько высокую

или низовую позицию он занимает – он в любом случае коррупционер (пример П.А. Порошенко или простого налогового инспектора).

Экзистенциальный характер противостояния государства и бизнеса

По своей сути и оффшорные компании, и «обналичка», и экспорт капитала – это только инструменты. И сами по себе они не являются и не могут являться чем-то преступным, запрещённым или незаконным. Они, как и всякие иные инструменты, приобретают криминальный характер только в зависимости от целей и назначения их использования, только как «орудия преступления». При этом вполне уважаемые компании могут быть зарегистрированы в Делавэре, на Кипре или, к примеру, в Панаме. А компании «престижных» стран регистрации – Нидерландов, Люксембурга, Китая (Гонконг) и т. д. – могут быть использованы в криминальных схемах для коррупционных целей. Гораздо продуктивней и эффективней в деле борьбы государства с коррупцией было бы, если бы государство присматривалось (и «возникали бы вопросы») не к самим подобного рода инструментам, а к широко всем известным лицам, использующим эти инструменты.

А новый фактор – ужесточение условий, трансформация и изменения в последнее время оффшорной сферы вообще и конкретных оффшорных зон в частности – вносит, всё же, свои особенности и выдвигает требования, заставляя заинтересованных лиц приспосабливаться и учитывать новые тенденции и происходящие процессы.

Противостояние государства и бизнеса не только продолжается – с переменным успехом, локальными победами каждой из сторон, отступлениями и атаками, – но ещё и будет продолжаться, пока существует мир. Это вполне понятно и объяснимо – ведь когда речь идёт о деньгах, схватка идёт не на жизнь, а на смерть. При этом конфликт интересов и противостояние государства и бизнеса носят *экзистенциальный характер*.

Государство и бизнес, как два субъекта, института, имеют *диалектическую взаимосвязь*. С одной стороны, бизнес не может существовать без государства, без чётко установленных им «правил игры», законов, норм, судов и санкций, без

тех же самых, государством установленных, форм юридических лиц, в конце концов. А государство не может существовать без налогов, без средств на обслуживание интересов и обеспечение потребностей непродовольственной части населения (общества). С другой стороны, безгранично алчный бизнес в своём стремлении не дать государству (в идеале) ничего, в своих попытках сокрытия, уменьшения, вывоза из страны и т. д. «положенного к отчислению» или налогообложению представляет нешуточную угрозу самим основам существования государства, его нормальному, полноценному (с финансовой точки зрения) функционированию. А государство – со всей своей репрессивной мощью – представляет угрозу не только доходам, имуществу, «кровно заработанному непосильным трудом», активам бизнеса, но и самому бизнесу, как таковому, его существованию – не только для отдельных предпринимателей, но и для системы, института бизнеса в целом. К примеру, в условиях полного огосударствления при социализме бизнес преследовался по закону и выжигался калёным железом во всех своих проявлениях – не только в лице «цеховиков», но даже в лице «бомбил» – мелких частных извозчиков.

Поэтому бизнес *не может* не чувствовать, не помнить, не ощущать этой постоянно висящей над ним «смертельной», экзистенциальной угрозы – угрозы полного уничтожения просто по мановению руки государства в любой момент. Потому что эти два субъекта находятся в неравном положении – государство в положении диктатора, а бизнес в положении подчинённого; они изначально неравны в своих позициях и правах. Диспозиция государства и бизнеса – наглядный, очевидный пример трансакции управления, зависимости, подчинения. При всём возможном сопротивлении бизнеса. Потому и противостояние это практически бесконечно и неразрешимо в условиях, пока существуют и сосуществуют сами эти два субъекта, два институциональных пространства – бизнес и государство. И чем совершенней становятся инструменты и методы предпринимателей, тем жёстче и изощрённей становится реакция государства – то, что с успехом работало вчера и работает сегодня, может оказаться под запретом или жесткой регламентацией в ближайшее время.

А это, в свою очередь, вызывает необходимость дальнейшего развития и совершенствования всего набора инструментов, применяемых бизнесом, включая такое ключевое звено этого инструментария, как оффшор.

Соотношение сил государства и бизнеса находится в динамическом балансе, в динамическом равновесии с отклонениями в ту или иную сторону в зависимости от экономических и законодательных условий в тот или иной исторический период. Но как бы ни старалось государство полностью поставить под контроль и подчинить себе предпринимательскую активность, «наложить лапу» на все доходы предпринимателей, последние, являясь наиболее мобильной и креативной частью общества, а в сфере бизнеса иные и не смогли бы выжить и укрепиться, и, обладая «генетической памятью» о репрессиях против этой креативной части общества, всегда будут стремиться к сохранению и своего существования, и своих доходов, как основы этого существования. Для этого бизнес найдёт возможности и создаст в т.ч. новые инструменты, среди которых в настоящее время достойное место занимает, и в обозримой перспективе ещё будет занимать оффшор. И, несмотря на все указанные и многие другие трудности (ужесточение внутригосударственных национальных законодательств, к примеру), развитие и использование оффшорных зон продолжается весьма успешно и перспективы этого процесса представляются весьма устойчивыми и долговечными, поскольку, *до тех пор, пока существуют налоги, пока существует диктат государства, не оскудеет и творческая мысль по их обходу и минимизации.*

Список литературы

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. ФЗ от 25.12.08 N 273-ФЗ (ред. от 30.10.2018) «О противодействии коррупции» ст. 1. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

3. Волеводз А.Г. Политологические проблемы отмывания незаконных доходов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: cyberleninka.ru/article/n/politologicheskie-problemy-otmyvaniya-nezakonnyh-dohodov
4. Исследование Global Financial Integrity: Россия: нелегальные финансовые потоки и роль теневой экономики // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gtmarket.ru/news/2013/02/13/5411
5. «Клерк». 18.12.2013, 12:36. «За 9 месяцев вывоз «сомнительного» капитала из РФ достиг 22 млрд. долларов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.klerk.ru/bank/news/349024/
6. «Почему власть взялась за Центробанк»: Радиопередача и статья от 21 февраля 2007. Программа «Большой Дозор» на радиостанции «Эхо Москвы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: echo.msk.ru/programs/dozor/49789/
7. Титов Б.Ю. 80% дел против бизнесменов не доходит до суда, но никто не возместит репутацию и разрушенный бизнес // Первое антикоррупционное СМИ, 07.02.18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rasmi.ru/archive/202995/
8. Титов Б.Ю. Борис Титов доложит президенту о 284 проблемах предпринимателей // Ведомости, 22.05.18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/05/22/770214-titov-o-problemah-predprinimatelei
9. Шашкова А.В. Политические аспекты противодействия отмыванию незаконных доходов и коррупции в контексте взаимодействия государства и корпораций». Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук, 2018. – С. 653.
10. Msciandro D. Analisi Economica della Criminalita, Teoria della Regolamentazione e Riciclaggio Finanziario, in Mercanti Illegali e Mafia // Il Mulino. 2007. – P. 243–297.